

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38
 ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

ГРНТИ 19.01.11; 16.21.33

Код ВАК 5.9.9; 5.9.5

Татьяна Александровна Глебович¹✉, Даниил Васильевич Паньков²✉

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ tatanova11@gmail.com✉, SPIN-код: 7000-9207, <https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0002-5965-0126>

² daniilpank916@mail.ru✉, <https://orcid.org/0009-0000-2378-3819>

Школьный конфликт в СМИ: о типах медийной репрезентации

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается процесс репрезентации школьных конфликтных ситуаций в медиадискурсе. Анализируются практики конструирования конфликтов в рамках двух нарративов: институционального, представленного в федеральном издании, и бытового, репрезентуемого региональным порталом. В работе использованы методы структурно-тематического и критического дискурс-анализа, элементы анализа нарративной структуры для выявления закономерностей в практике конструирования конфликтных ситуаций в дискурсивном пространстве каждого СМИ. Эмпирическая база состоит из 137 материалов федерального издания «Газета.ру» и регионального портала «Е1.ру». В результате исследования выявлены пять типов репрезентации конфликта (иницирующий, усугубляющий, аналитический, медиативный, предупреждающий), фиксируется их частотное распределение по изданиям. Федеральные СМИ в основном фокусируются на институциональных решениях и нейтрализации конфликта, чаще используют предупреждающий или аналитический типы репрезентации конфликта. Указанные типы направлены на снижение остроты проблемы, на привлечение внимания к активной позиции государства. Региональный портал чаще прибегает к детализации и сенсационности, демонстрирует использование усугубляющего и инициирующего типов репрезентации конфликта, эскалирует его в публичном пространстве, инициирует эмоциональный отклик аудитории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: педагогическая конфликтология, школьные конфликты, конфликтные ситуации, медийная репрезентация, типы репрезентации, дискурс-анализ, нарратив, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Глебович Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, email: tatanova11@gmail.com.

Паньков Даниил Васильевич, аспирант кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Глебович, Т. А. Школьный конфликт в СМИ: о типах медийной репрезентации / Т. А. Глебович, Д. В. Паньков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 61-69.

Tat'yana A. Glebovich¹✉, Daniil V. Pan'kov²✉

^{1,2} Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

¹ tatanova11@gmail.com✉, SPIN code: 7000-9207, <https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0002-5965-0126>

² daniilpank916@mail.ru✉, <https://orcid.org/0009-0000-2378-3819>

School Conflict in the Media: On the Types of Media Representation

ABSTRACT. This article examines representation of school conflict situations in media discourse. The authors analyze conflict construction practices within the framework of two narratives: the institutional narrative presented in federal publications and the everyday narrative posted on regional portals. The study employs the methods of structural-thematic and critical discourse analysis, as well as elements of narrative structure analysis, to identify regular patterns in the practice of constructing conflict situations in the discursive space of each media outlet. The empirical base consists of 137 materials from the federal publication *Gazeta.ru* and the regional portal *E1.ru*. The study has identified five types of conflict representation (initiating, aggravating, analytical, mediative, and preventive) and has revealed their frequency distribution across publications. Federal media primarily focus on institutional solutions and conflict neutralization, more often employing preventive or analytical types of conflict representation. These types are aimed at mitigating the severity of the problem and drawing attention to the active position of the state. The regional portal more often resorts to detail and sensationalism, demonstrates the use of aggravating and initiating types of conflict representation, escalates it in the public space, and triggers off emotional response from the audience.

KEYWORDS: pedagogical conflictology, school conflicts, conflict situations, media representation, types of representation, discourse analysis, narrative, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means.

AUTHOR'S INFORMATION: Glebovich Tat'yana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Periodical Press and Online Publications, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Pan'kov Daniil Vasil'evich, Post-Graduate Student, Department of Periodical Press and Online Publications, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Glebovich T. A., Pan'kov D. V. (2026). School Conflict in the Media: On the Types of Media Representation. In Political Linguistics. No 1 (115), pp. 61-69. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Общественная значимость конфликта личных интересов в замкнутом социуме школы очевидна. Каждый случай касается чувствительной социальной группы (детей), создает прецедент громкого публичного обсуждения. Совокупность историй о детских противоречиях формирует тематическую социально-коммуникативную практику школьного конфликта.

Возможности цифровых СМИ позволяют любому инфоповоду оказаться в центре внимания общества и влияют не только на последующее поведение аудитории, но и на степень привыкания к нестандартным ситуациям в детской и подростковой среде. Большой объем материалов с нарушающими традиционные конвенции [Кастельс, Киселева 2000] подробностями формирует у аудитории эмоциональный барьер, исключая сострадание, нормализует нарративный интерес к ситуации и безразличие к участникам. Как следствие, психологическое и физическое насилие, зародившееся в рамках замкнутой системы, разрастается, превращается из локальной ситуации в социальную проблему.

Современные российские и зарубежные исследователи уделяют большое внимание проблемам и самого социально-психологического происшествия (конфликт в школе) [Назаров, Авербух, Буйначева 2022], и специфике его публичных трансформаций [Волкова, Волкова 2017]. Среди научных трудов присутствуют как междисциплинарные, на стыке социологии, конфликтологии [Галимбекова 2023] и медиаисследований, так и узконаправленные, например, рассматривающие коммуникативные аспекты медиатизации названных конфликтов [Байгазанова 2024].

Для нас значимо положение Г. Маркузе, Г. Шиллера, Ф. Майера [Маркузе 2012; Шиллер 1980; Майер 2014] о том, что СМК выступают не только как инструмент информирования, но и как мощный фактор социального контроля, интегрируют идеологические, культурные и поведенческие паттерны в общественное сознание. Сам процесс интегра-

ции обусловлен потребностью человека в восприятии простой и достоверной истории, объясняющей картину мира и его основные законы¹, потребностью в принадлежности к группе (в том числе виртуальной, социально-коммуникативной)².

Это подтверждается и другими работами. Так Н. Кудри и А. Хепп рассматривают медиа как самостоятельную социальную силу [Couldry, Hepp 2017], способную активизировать или ослаблять конфликтные процессы. Аналогичную позицию занимает С. Хьярвард, указывая на то, что медиа не просто отражают реальность, но и активно конструируют ее, формируя новые конфликтные нарративы [Hjarvard, 2013].

Е. Л. Вартанова подчеркивает, что современные противостояния включают столкновение ценностей, интересов и идентичностей различных социальных групп [Вартанова 2021]. В свою очередь цифровые медиа-коммуникации, преодолевая институциональные и профессиональные границы, предоставляют актерам возможность непосредственного участия в конфликтной коммуникации.

Для рассмотрения публикаций, посвященных школьным конфликтам и соответствующим типам общественной коммуникации, мы обратились к определению нарратива (истории по своей сути), обладающего такими качествами, как доступность, простота, процессуальность [Шейгал 2007; Фэркло 1995], и пониманию изложенного как структуры, как цепи событий [Шейгал 2007]. Также опирались на общеизвестное понимание нарратива как «формы дискурса» [Шейгал 2007; Schiffrin 2006], обращаясь к последнему как к неотъемлемой части дискурсивной практики [Wodak 2009; Чепкина 2000].

В статье представлены наиболее яркие, на наш взгляд, примеры репрезентаций школьных конфликтов в сетевом издании «Газета.ru»³ и на городском портале «Е1.ru»⁴ (всего было исследовано 137 материалов за 2024–2025 гг.). Издания принадлежат к различным сегментам медиаполя, у них отличны концепции, цели, аудитория.

¹ Черненко Ю. Критическое мышление в век сторителлинга и коммуникативных уловок : [лекция] // Университет, открытый городу: Вышка на ВДНХ. Москва, МВЦ «Рабочий и колхозница», 27 августа 2019 г. URL: <https://www.hse.ru/lectorian/announcements/305358259.html> (дата обращения: 20.10.2025).

² Там же.

³ Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/>.

⁴ Е1.ru. URL: <https://www.e1.ru/>.

В аналитической части исследовался процесс конструирования конфликтной истории, в качестве единиц анализа рассматривались ее структурные элементы (т. е. структура нарратива).

При работе с текстами публикаций было выявлено несколько типов репрезентации школьных конфликтов в медиасреде. Мы полагаем, что названные типы, реализуемые через структуру событийного изложения, не просто репрезентуют событие, но активно формируют определенную идеологию [Томин 2018] его восприятия.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ

Итак, СМИ формируют принципиально разные модели репрезентации конфликтов в зависимости от концепции издания и авторской цели. В одном случае это может быть институционализированное освещение, в другом создаются условия для стихийного развития агрессивного дискурса через насыщенную подробностями историю. На наш взгляд, их можно определить как институциональный (государственный) нарратив в случае федерального издания и как нарратив непосредственных и опосредованных участников в «E1.ru».

«Газета.ru» — одно из наиболее авторитетных российских интернет-СМИ, основанное в 1998 году, входит в медиахолдинг Rambler&Co, специализируется на оперативном освещении общественно-политических, экономических и культурных событий в России и мире. Контент сочетает классическую журналистику с цифровыми технологиями, особое внимание уделяется скорости публикации и аналитике. Материалы рассчитаны на широкую аудиторию: от политиков и бизнесменов до массового читателя.

По данным LiveInternet, «Газета.ru» входит в Топ-10 самых посещаемых новостных ресурсов Рунета, аудитория издания исчисляется миллионами пользователей, что подтверждает статус одного из лидеров российского медиaproстранства.

1) В Госдуме предложили привлечь старшеклассников к борьбе со школьным буллингом (Газета.ru. 15.03.2025).

Информационная публикация об инициативе Госдумы связана ссылкой и образует единый контекст с точкой зрения школьного психолога *«Психолог объяснила, как понять, что вашего ребёнка травят в школе»* (Газета.ru. 09.03.2025), а также с коротким видеороликом (он завершает оба материала)¹, наглядно демонстрирующим примеры насилия в школьном коллективе и рекомендации для родителей.

Структура репрезентации события. Нейтральный, информирующий лид представляет спикера (депутат Чернышов) и проблему (*«борьба с травлей»*). Главная мысль (необходимость привлечения учащихся) усиливается признанием проблемы на государственном уровне (констатация) и развивается в остальных тезисах через примеры из зарубежного опыта.

Структура конфликта представляет собой одноплановый, обобщенный и нейтральный конструкт. Практика межличностных взаимодействий в школах противоречит профилактическим мерам и порождает девиантные события в детских коллективах. Отметим, что названный конструкт наглядно, но без травматизации опредмечивается и иллюстрируется роликом, а также подробно разъясняется экспертом-психологом в связанной публикации (*«Как родитель, вы можете заметить, что ребенок стал тревожным... Если вас что-то настораживает — не давите на ребенка...»*). Отсутствие драматизации и эмоциональных оценок снижает потенциальную травматичность, проблема предстает как управляемая, решаемая в рабочем порядке под контролем компетентных специалистов.

Социальный контекст и интерпретация. Пространством репрезентации конфликта становится сфера коммуникации представителя социума (депутат) и государства (министр образования). В комментируемом материале, где представлены рекомендации специалиста, она расширяется примерами взаимодействия родителей и детей, родителей и школы, но это не нарратив героев, а еще одна текстовая иллюстрация.

В целом контекстом заявленного конфликта становятся мнения социально значимых персон и паттерны корректной дискуссии с элементами разъяснения. В этом контексте конфликт теряет ценностную значимость и нивелируется до технической задачи организации процессов внутришкольных взаимодействий. Вне рамок контекста остаются социально-этические причины возникновения школьной травли.

Тип репрезентации конфликта. Нейтральный тон изложения, минимизация и конкретизация противоречий, разъяснение аудитории способов выхода из школьных кризисов (с воспитательной интенцией) в процессе конструирования, акцент на законодательном уровне обсуждения (и высказываний) представителя государства позволяет определить тип репрезентации как **медиативный** (сглаживающий).

¹ URL: <https://clc.li/VqvRS>.

2) Школьники могут начать переводить в спецучреждения за травлю (Газета.ru. 05.04.2024).

Публикация связана активной ссылкой и контекстом с высказыванием замглавы Минпросвещения о заявленной проблеме «*Замминистра просвещения рассказал о поддержке инициатив по противодействию травле в школах*» (Газета.ru). Из второй публикации можно перейти на уже отмеченный материал, репрезентующий мнение психолога «*Психолог объяснила, как понять, что вашего ребенка травят в школе*» (Газета.ru).

Структура репрезентации события. Лид нейтрален и репрезентует ракурс постановки проблемы («...перевод школьников в спецучреждения за буллинг»). Главная мысль публикации (активное участие государства в борьбе со школьной травлей) констатируется в изложении позиции депутата и развивается в разъяснении положений будущего закона: «*проект закона предполагает меры ответственности для агрессоров и для тех, кто на постоянной основе занимается буллингом*».

Структура конфликта представлена через изменение официальной интерпретации школьных инцидентов: «*необходимо продумать либо направление его (агрессора) в специализированное учреждение, ... либо возможный формат домашнего обучения*». В ближайшее время агрессивные действия ребенка (детей) будут рассматриваться не как педагогическая проблема, но как конфликт гражданина с государственным институтом. Законодательное регулирование коммуникаций в детских коллективах демонстрирует масштаб проблемы и новый способ управления межличностными кризисами. Трансформация конфликта от ситуации в детском коллективе до полноценного правонарушения вступает в противоречие с распространенными представлениями о травле как о сугубо школьной проблеме.

Социальный контекст и интерпретация. Жесткие государственные решения демонстрируют отсутствие социальных механизмов и педагогического инструментария для разрешения проблемы. Нейтральный тон публикации подчеркивает (подсвечивает) односторонность наказывающих решений, становится триггером, смещающим фокус внимания аудитории и общества в целом с причин проблемы на личность малолетнего инициатора, конструирует образ потенци-

ального ребенка-агрессора как исключительно отрицательный.

Тип репрезентации конфликта. Корректная постановка вопроса, нейтральный тон и объясняющий тип рассуждений спикеров не означают какое-либо завершение или исчерпание школьных конфликтов. Демонстративная нейтральность может быть рассмотрена как предупреждающий, императивный посыл обществу о необходимости строгого воспитания детей и контроля за их поведением. Несмотря на подчеркнутую фактологичность и непредвзятость, публикация обладает значительным эмоциональным потенциалом и может спровоцировать разнообразные (и отнюдь не обязательно конструктивные) социальные реакции. В этой связи тип репрезентации конфликта может быть определен как **иницирующий**. В этой связи отметим, что материал вводит в публичную повестку новую, радикальную меру, которая не оставляет пространства для общественного диалога, но, возможно, в определенных реалиях является единственно действенной.

3) Без штрафов, но с привлечением полиции: что известно о первом в России законе против буллинга (Газета.ru. 21.12.2024)

Большой аналитический материал уже отмечался как контекстный, разъясняющий сообщение информационного. Врезка в основной части публикации ссылается на еще одну аналитику «*Буллинг в школе: кто становится жертвами травли и что грозит зачинщику*» (Газета.ru), в которой репрезентуются комментарии и рассуждения целого пула экспертов: психологов/психиатров и юристов. Таким образом история о школьной травле прирастает развернутым сюжетом об общественном и профессиональном противодействии девиантным сценариям. Эта корреляция становится тем более очевидна, поскольку во второй публикации аудитории предложены проактивные инструменты разрешения кризисных ситуаций: ссылки на проекты «*Травли.Нет*»¹ и «*Академия безопасности Ольги Бочковой*»² (одного из экспертов), а также на программы антибуллинг-мероприятий на сайте «*институт-воспитания.рф*»³. Кроме того, по завершении публикации открывается видеоролик⁴, который рассматривался ранее.

Структура репрезентации события. Лид представляет центральное событие обсуж-

¹ «Травли.Нет» <https://xn--80aejlonqph.xn--p1ai/>.

² «Академия безопасности Ольги Бочковой». URL: <https://bochkova.academy/>.

³ «институтвоспитания.рф». URL: <https://xn--80adrabb4aegksdjbfk0u.xn--p1ai/programmy-vozpitanija/>.

⁴ URL: <https://clc.li/VqvRS>.

дения — типичную ситуацию буллинга: «Обзывают, бьют, унижают: травля среди учеников — актуальная проблема для российских школ...» и стандартную реакцию общества: «однако ни родители, ни учителя зачастую не понимают, что с этим делать» нейтрально, без формирования эмоционального отклика. Такое решение неслучайно, поскольку главная мысль текста — законодательная реакция государства, должна разрешить проблему издевательств в детских коллективах.

В констатирующей части структуры зафиксировано содержание инициативы: «В будущем законе будет сформулировано понятие буллинга, ... полицию в борьбе с буллингом все же задействуют...», которое озвучивается должностным лицом (депутатом Артемом Метелевым). Развивающие тезисы представлены от лица эксперта-психолога, они фиксируют причины возникновения травли, иницирующие ее модели поведения учителей и родителей.

Структура конфликта. Проблема школьной травли представлена как взаимосвязанная конфликтная структура: конфликт между детьми (жертвой и агрессором), ребенком-агрессором и правовыми нормами, поведением учителя и профессиональными стандартами, усилиями психолога-медиатора и паттернами поведения в семье агрессивного ребенка.

Социальный контекст и интерпретация. Указанная структура репрезентуется через цитатный диалог представителя государства и эксперта. Эмоциональная полярированность спикеров (транслирующих идеи жесткого наказания и объясняющего воспитания) вписывается в парадигму доброго и злого участников коммуникации. Их эмоционально корректное и нейтральное взаимодействие адресовано различным представителям аудитории и рассчитано на интеллектуальный и эмоциональный отклик. Завершающие публикацию истории из практики (и мнение) анонимной учительницы заменяют собой авторский вывод, вносят эмоционально окрашенные примеры, предназначенные для личной оценки читателей, разбавляют жесткую (воспитательно-просветительскую по функциональной направленности и авторской интенции) структуру публикации простыми житейскими примерами.

Тип репрезентации конфликта. Подробный анализ правовых форм противодействия школьной травле, а также ее психологических причин и триггеров, наличие спикеров-экспер-

тов, нейтральный тон материала, использование конкретных и эмоционально вовлекающих, но абсолютно корректных примеров позволяет отнести тип репрезентации конфликта к **аналитическому**, направленному на поиск удовлетворяющих общество решений.

Сетевое издание «E1.ru»

Сетевое издание «E1.ru» — российское интернет-издание, основанное в 1996 году. Специализируется на новостях Екатеринбурга и Свердловской области. Третье по цитируемости областное интернет-СМИ по данным «Медиалогии»¹. Сайт представляет из себя городской портал, на котором пользователи могут читать региональные новости, участвовать в городском форуме, смотреть объявления. По данным Shkulev Media² на сайте «E1.ru» зарегистрировано более 2 миллионов человек. Средняя ежемесячная аудитория проекта составляет порядка 6,7 миллионов уникальных пользователей, которые просматривают более 159 миллионов страниц. Ежедневная посещаемость достигает 752 тысяч уникальных пользователей и 6,6 миллионов просмотров страниц.

Отметим, что если в федеральном издании государственный нарратив остается в рамках темы законодательных решений и экспертных комментариев, то в региональном меняется тип лежащего в основе конфликта насилия (с коммуникативно-психологического на физическое), а нарратив участников распадается на множество подтем. Остановимся на них подробнее.

1) История про подростковый секс

«Он с ней этого не делал». Что расказал уральский школьник, которого подозревают в групповом изнасиловании 11-летней (E1.ru. 14.03.2024)

История репрезентуется в ряде материалов: «„К ней пришло пять парней“. Новые подробности по делу о групповом сексе 11-летней школьницы» (E1.ru. 14.03.2024), «В Первоуральске трое восьмиклассников устроили групповой секс с 11-летней школьницей. Что им грозит?» (E1.ru. 14.03.2024) и т. д., связанных ссылками. В процессе переходов фиксируются рефлексии взрослых и высказывания экспертов, а также реакции подростков. В представленном случае структура нарратива [Купина, Битенская 1994; Клушина 2021] направлена на репрезентацию «голосов» (нарративов) героев, косвенно или прямо причастных к истории. Рассмотрим один из материалов.

Структура репрезентации события.

Лид кратко и безэмоционально фиксирует

¹ Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/>.

² Shkulev Media. URL: <https://shkulevholding.ru/>.

ситуацию, главная мысль сфокусирована на правовых последствиях сексуального инцидента. Констатирующие тезисы характеризуют участников и события, развивающие — перспективы развития ситуации, ее юридическую и этическую неопределенность.

Высказывания участников (в том числе подростков, знакомых с героями) ставят сложные вопросы о правовой регуляции подобных случаев, возрастных границах ответственности и адекватности наказания, создают пространство для правовой и этической дискуссии. Они объединены общим эмоциональным фоном сострадания: «...подруга восьмиклассника: — Я говорю ему: „А они понимают, что они сделали?“ Он говорит, они были не в таком состоянии, чтобы что-то понимать. Он сидел, ревел, что его посадят. Еле успокоился...».

Указанное качество эмоций публикации контрастирует с модусом предыдущих, где репрезентация события строилась на контрасте заявленного возраста героев и лексикона «взрослого» дискурса («секс», «групповой секс», «совращение» и т. д.), на подчеркнутой девиантности поведения подростков.

Структура конфликта. Конфликтная ситуация конструируется на основе оппозиции заявленного события (изнасилование) и его участников (дети). Конфликт развивается на нескольких уровнях: между правовым (независимо от возраста, деяние должно быть наказано) и педагогическим (участники — дети, требующие помощи, а не только наказания) подходами, между общественными моральными нормами и реальными практиками подросткового поведения.

Подобная структура формирует когнитивный диссонанс в процессе восприятия истории: естественное осуждение произошедшего и сочувствие ко всем участникам (включая родителей), понимание тяжести деяния и осознание молодости виновных, желание справедливого наказания и сомнения в адекватности уголовного преследования детей. Диссонанс не предполагает разрешения, может трансформироваться в пространство для общественной дискуссии.

Тип репрезентации конфликта. С точки зрения репрезентации, конфликтная ситуация формируется в совокупности текстов, в каждой имеет открытый финал, акцент на неопределенности. В то же время в каждом материале есть своя линия текстового автора (образа автора), который то интенсифицирует внимание аудитории безэмоционально репрезентованными, шокирующими подробностями («*мать нашла порнографию в телефоне сына и показала видео правоохранителям*»), то обращается к эмоциям и

интонациям сострадания. Это позволяет говорить об управлении конфликтом в рамках текстовой совокупности. Тип подобной репрезентации конфликта можно определить как вариативный, включающий **иницирующую, усугубляющую и аналитическую разновидности**.

2) История про школьную травму «Подговорил друга, а сам стоял в стороне». В екатеринбургской школе избили 11-летнего мальчика (E1.ru. 20.11.2024)

История с травмой не имеет продолжения в других публикациях, гипертекстовое окружение — сопутствующие ссылки — переводят на другие события, связанные со школьными конфликтами.

Структура репрезентации события. Лид и неразмытое фото демонстрируют детали происшествия, физиологические подробности «*сломали стенку глазницы*», «*у ребёнка было бы сотрясение мозга*» создают эффект достоверности и формируют травматический эмоциональный фон.

Главная мысль сфокусирована на жестокости инцидента, констатирующие и развивающие элементы — на характеристиках агрессора (его моральных качествах) и правомерных реакциях потерпевшей стороны.

Структура конфликта и контекст. Конфликт представлен как событие и как моральное нарушение: «*подговорил друга, а сам стоял в стороне, потому что ему нельзя*», но без дополнительного развертывания в сторону общественной, педагогической, нравственной проблематики. Поляризация мнений и включение в конфликтное поле дополнительных сфер присутствует только в комментариях к публикации, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности аудитории.

Отметим, что важную роль в конструировании конфликта играет система высказываний. Если цитаты институциональных участников (департамент образования, пресс-служба МВД) ожидаемы (они транслируют позицию права и соответствующего реагирования), то предложение родителей предполагаемую кульминацию. Конфликт не расширяется и не переходит на новый уровень: «...*мама пострадавшего, она же попросила о встрече с родителями юных хулиганов*», но снижает градус эмоционального напряжения и обрывается на уровне текстовой репрезентации благодаря правовому регулированию. Подобный тип можно определить как **медиативный** (сглаживающий), направленный на формирование представлений о возможности диалога в любых ситуациях.

3) История про издевательство

На Урале подросток с разбегу пнул одноклассницу ради видео. Рассказываем всё, что известно о конфликте (E1.ru. 16.11.2024)

События представлены в нескольких публикациях. Гипертекстовые переходы фиксируют дополнительные факты: «*На Урале парень с размаху ударил школьницу ногой. Ему грозит уголовное дело*» (E1.ru. 12.11.2024) и «*На Урале ни в чём не повинную семью затравили из-за скандального видео с подростком, пнувшим девочку*» (E1.ru. 15.13.2024), возникшие в связи с инцидентом, а также непосредственные рассказы косвенных участников конфликта или жертвы как таковой: «*„Бьют и харкаются“. Уральская школьница, которую жестко пнул парень, рассказала о травле со стороны одноклассников*» (E1.ru. 14.11.2024).

Полифоническая структура нарративного (сверхтекстового) [Купина, Битенская 1994] образования углубляет различные уровни в структуре конфликта. Остановимся на центральном материале этой истории.

Структура репрезентации события. Провокационный лид повторяет заголовок, детализирует произошедшее. Использование эмоциогенных речевых оборотов: «*прогрел на всю страну*», «*пнул с разбегу*», «*снимала всё на видео*» создает эффект сенсации, что подчеркивает драматизм.

Главная мысль разворачивается во внешнем плане истории: жестокий школьный инцидент запускает несколько уровней конфликта от непосредственно школьного до социально-правового. Констатирующие тезисы фиксируют волну общественной агрессии, демонстрируют кризис и в подростковой среде, и в общественных механизмах реагирования на насилие.

Развивающие тезисы смещают фокус внимания на роль социальных сетей и СМИ в усугублении конфликта и легитимизации неправомерных действий (самосуда). Подчеркивается, что общественная реакция в соцсетях демонстрирует кризис правосознания и подмену правовых механизмов стихийной расправой.

Структура конфликта. В публикации представлено несколько уровней конфликтного взаимодействия: между правовым реагированием (презумпция невиновности, законные процедуры) и стихийной расправой, анализом причин подростковой агрессии и социально-коммуникативной истерией, индивидуальной виной конкретных подростков и кризисом общественной морали в целом. Также в тексте формируется эмоциональное противостояние между сочувствием к жертве

и желанием справедливости (которое может реализоваться в преступных формах).

Социальный контекст и интерпретация. Кроме того, присутствует внутренний план истории. В частности, возникает диссонанс в понимании роли самого текста: он фиксирует проблему медиапровокации, но в собственной репрезентации воспроизводит ту же провокационную логику. Акцент на жестокости и «*видеосъемке*», подача инцидента как развлечения «*ради видео*», подробное описание угроз ребенку-однокласснику, проживающему в другом городе, и попытки насильственного взаимодействия с директором школы формируют эмоцию моральной паники, стимулируют дальнейшее развитие агрессии. В этом контексте упоминание (даже критическое) понятия «*самосуд*» легитимизирует идею неправомерного возмездия в сознании части аудитории.

Тип репрезентации конфликта. Текст не просто констатирует, но многочисленными подробностями и языковыми средствами стимулирует негативные общественные настроения. Материал фокусируется на сенсорных деталях, усиливающих эмоциональный шок, и результируется интерактивным опросом, где кнопку «*оставить его в покое*» (имеется в виду ребенок-агрессор) выбирает один процент пользователей. Подобный тип репрезентации конфликта можно определить как **усугубляющий**, ведущий не только к эскалации конфликта в рамках представленной истории, но и к агрессивному общественному противостоянию, трансформирующий реакции на событие и дискуссию о воспитании в социальный конфликт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования были определены пять типов репрезентации конфликта в освещении школьных инцидентов:

- 1) иницирующий: обозначает конфликтное противостояние, вскрывает причины, поднимает острые вопросы, которые до этого замалчивались;
- 2) усугубляющий: усиливает напряжение, стимулирует эмоциональные реакции, медиатизация приводит к эскалации конфликта;
- 3) медиативный (сглаживающий): демонстрируются пути выхода и поиск компромисса, фиксируются положительные изменения или примеры разрешения конфликтной ситуации;
- 4) аналитический: не усугубляет и не сглаживает конфликт, но подробно анализирует причины, преобладают экспертные мнения, отслеживается динамика проблемы, события демонстрируются объективировано, без яркой эмоциональной окраски, присутствуют статистические данные;

Таблица 1

	Е1.РУ	Доля от общ. кол. публикаций, %	Газета.Ru	Доля от общ. кол. публикаций, %
Иницирующий	26	18.98%	10	7.30%
Усугубляющий	28	20.44%	11	8.03%
Сглаживающий	19	13.87%	5	3.65%
Аналитический	7	5.11%	8	5.84%
Предупреждающий	3	2.19%	20	14.60%

5) предупреждающий: репрезентуются ситуации или паттерны, должны предотвратить конфликты в будущем, например, освещаются способы распухания буллинга на раннем этапе или выстраивания диалога между школой и родителями.

Также были выявлены количественные показатели типов репрезентации школьных конфликтов в двух СМИ. Процентное соотношение представлено в таблице 1.

В целом региональное СМИ демонстрирует стремление к сенсационности и, как следствие, к доминированию иницирующего и усугубляющего типов репрезентации школьных конфликтов. В историях с большим количеством публикаций также были отмечены примеры метаконфликта истории (внешний и внутренний планы), вскрывающие противоречия между заявленной целью публикации и способами ее конструирования.

Издание федерального уровня чаще освещает конфликты нейтрально, с использованием предупреждающего или аналитического типов репрезентации. Названные подходы направлены на купирование причин и остроты проблемы, на привлечение внимания к активной позиции государственных институтов. Они демонстрируют воспитательную позицию по отношению к аудитории, ставят целью донести институциональные и этические требования в сфере воспитания детей и подростков. Вместе с тем смещение фокуса внимания с содержания конфликтных противоречий на процедурные вопросы создает лакуну в обсуждении этических причин сложившейся ситуации и детерминантов социального напряжения, проявляющегося в школьных событиях.

В целом на основании проведенного анализа мы можем говорить о различных типах школьного конфликтного нарратива в рассмотренных СМИ, способного не только удовлетворять запросы аудитории, но и управлять ее офлайн-поведением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байгазанова, Р. Т. Буллинг в контексте коммуникативных процессов / Р. Т. Байгазанова // *Международный научно-исследовательский журнал*. — 2024. — № 6 (144). — С. 1–12. — DOI 10.60797/IRJ.2024.144.140. — EDN IUyAWA.

2. Вартанова, Е. Л. Медиа и конфликты: исследование взаимодействия в актуальном академическом дискурсе / Е. Л. Вартанова, Д. В. Дунас, А. А. Гладкова // *Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика*. — 2021. — № 4. — С. 1–30. — DOI 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332. — EDN PLANZI.

3. Волкова, Е. Н. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга / Е. Н. Волкова, И. В. Волкова // *Вестник Мининского университета*. — 2017. — № 3 (20). — С. 1–11. — DOI 10.26795/2307-1281-2017-3-17. — EDN ZQXSDJ.

4. Галимбекова, Ф. С. Конфликт и буллинг как социальные явления в современном обществе / Ф. С. Галимбекова // *Проблемы современного образования*. — 2023. — № 2. — С. 51–56. — DOI 10.31862/2218-8711-2023-2-51-57. — EDN LDEQIA.

5. Кастельс, М. Россия и сетевое общество. Аналитическое исследование / М. Кастельс, Э. Киселева // *Мир России*. — 2000. — № 1. — С. 23–51. — EDN TFAJSH.

6. Клушина, Н. И. Нарративные практики в современном российском медиадискурсе / Н. И. Клушина // *Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал*. — 2021. — № 1. — С. 24–35. — EDN SYSVPI.

7. Купина, Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // *Человек — текст — культура : коллективная моногр.* / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1994. — С. 214–233. — EDN WZHFIR.

8. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер. с англ. А. Юдин. Москва : Центр гуманитарных технологий, 2012. — URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5440> (дата обращения: 28.09.2025).

9. Назаров, В. Л. Буллинг и кибербуллинг в современной школе / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух, А. В. Буйначева // *Образование и наука*. — 2022. — № 2. — С. 169–204. — DOI 10.17853/1994-5639-2022-2-169-205. — EDN DDEWPH.

10. Томин, Л. В. Аффективный диспозитив: идеология в средствах массовой информации и социальных медиа / Л. В. Томин // *Государство и граждане в электронной среде*. — 2018. — Вып. 2. — С. 59–64. — EDN DLWNXI.

11. Чепкина, Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000) / Э. В. Чепкина ; науч. ред. Л. М. Майданова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 279 с. — ISBN 5-7525-0801-0. — EDN UWZESP.

12. Шейгал, Е. И. Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал // *Политическая лингвистика*. — 2007. — Вып. 2 (22). — С. 86–93. — EDN JVKYEB.

13. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием : пер. с англ. / Г. Шиллер ; науч. ред. Я. Н. Засурский. — Москва : Мысль, 1980. — 326 с.

14. Couldry, N. *The Mediated Construction of Reality* / N. Couldry, A. Hepp. — Cambridge : Polity Press, 2018. — 256 p. — ISBN 0745686516, 9780745686516.

15. Fairclough, N. *Media Discourse* / N. Fairclough. — London : Edward Arnold, 1995. — 214 p. — ISBN 0-340-58889-6.

16. Mayer, F. W. *Narrative Politics: Stories and Collective Action* / W. M. Frederick. — New York : Oxford University Press, 2014. — 264 p. — DOI 10.1093/acprof.

17. Hjarvard, S. *The Mediatization of Culture and Society* / S. Hjarvard. — 1st ed. — London : Routledge, 2013. — 192 p. — DOI 10.4324/9780203155363.

18. Schiffrin, D. In Other Words: Variation in Reference and Narrative / D. Schiffrin. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2006. — 390 p. — ISBN 1139449109, 9781139449106.

19. Wodak, R. Methods of Critical Discourse Analysis / R. Wodak, M. Meyer. — London : SAGE Publications Ltd, 2009. — 204 p. — ISBN 184787455X, 9781847874559.

REFERENCES

1. Bajgazanova, R. T. (2024). Bulling v kontekste komunikativnyh processov = Bullying in the Context of Communicative Processes. *International Research Journal*, 6(144), 1–12. DOI 10.60797/IRJ.2024.144.140. EDN IUUYAWA.

2. Vartanova, E. L., Dunas, D. V., Gladkova, A. A. (2021). Media i konflikty: issledovanie vzaimovlijaniya v aktual'nom akademicheskom diskurse = Media and Conflicts: A Study of Mutual Influence in Current Academic Discourse. *Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism*, 4, 1–30. DOI 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332. EDN PLANZI.

3. Volkova, E. N., Volkova, I. V. (2017). Kiberbulling kak sposob social'nogo reagirovaniya podrostkov na situaciyu bullinga = Cyberbullying as a Way of Social Response of Adolescents to a Bullying Situation. *Bulletin of Minin University*, 3(20), 1–11. DOI 10.26795/2307-1281-2017-3-17. EDN ZQXSDJ.

4. Galimbekova, F. S. (2023). Konflikt i bulling kak social'nye yavleniya v sovremennom obshchestve = Conflict and Bullying as Social Phenomenons in Modern Society. *Problems of Modern Education*, 2, 51–56. DOI 10.31862/2218-8711-2023-2-51-57. EDN LDEQLA.

5. Kastel's, M., Kiseleva, Je. (2000). Rossiya i setevoe obshchestvo. Analiticheskoe issledovanie = Russia and the Network Society. Analytical study. *The World of Russia*, 1, 23–51. EDN TFASJH.

6. Klushina, N. I. (2021). Narrativnye praktiki v sovremennom rossijskom mediadiskurse = Narrative practices in contemporary Russian media discourse. *The World of Linguistics and Communication: Electronic scientific journal*, 1, 24–35. EDN SYSVPI.

7. Kupina, N. A., Bitenskaya, G. V. (1994). Sverhtekst i ego raznovidnosti = Supertext and its varieties. *Man – text – culture: Collective monograph* (ed. by N. A. Kupina, T. V. Matveeva), 214–233. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

8. Markuze, G. (2012). Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva = One-Dimensional Man. A Study of the Ideology of Developed Industrial

Society (transl. from Engl. by A. Judin). Moscow: Center for Humanitarian Technologies. Available at Sept. 28, 2025 from <https://gtmarket.ru/library/basis/5440>.

9. Nazarov, V. L., Averbuh, N. V., Bujnacheva, A. V. (2022). Bulling i kiberbulling v sovremennoj shkole = Bullying and Cyberbullying in Modern Schools. *Education and Science*, 2, 169–204. DOI 10.17853/1994-5639-2022-2-169-205. EDN DDEWPH.

10. Tomin, L. V. (2018). Affektivnyj dispozitiv: ideologija v sredstvakh massovoj informacii i social'nyh media = Affective Dispositif: Ideology in the Mass Media and Social Media. *The State and Citizens in the Electronic Environment*, 2, 59–64. EDN DLWNXI.

11. Chepkina, Je. V. (2000). Russkij zhurnalistskij diskurs: Tekstoporozhdajushhie praktiki i kody (1995–2000) = Russian Journalistic Discourse: Text-Generating Practices and Codes (1995–2000) (Scientific ed. L. M. Majdanova). Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 279 p. ISBN 5-7525-0801-0. EDN UWZESP.

12. Shejgal, E. I. (2007). Mnogolikij narrativ = Multifaceted Narrative. *Political Linguistics*, 2(22), 86–93. EDN JVKYEB.

13. Shiller, G. (1980). Manipuljatory soznaniem = Manipulators of Consciousness (Transl. from Engl., Scientific ed. Ja. N. Zassurskij). Moscow: Mysl', 326 p.

14. Couldry, N., Hepp, A. (2018). The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 256 p. ISBN 0745686516, 9780745686516.

15. Fairclough, N. (1995). Media Discourse. London: Edward Arnold, 214 p. ISBN 0-340-58889-6.

16. Mayer, F. W. (2014). Narrative Politics: Stories and Collective Action. New York: Oxford University Press, 264 p. Available at December 2, 2025 from <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199324460.001.0001>.

17. Hjarvard, S. (2013). The Mediatization of Culture and Society (1st ed.). London: Routledge, 192 p. Available at August 18, 2025 from <https://doi.org/10.4324/9780203155363>.

18. Schiffrin, D. (2006). In Other Words: Variation in Reference and Narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 390 p. ISBN 1139449109, 9781139449106.

19. Wodak, R., Meyer, M. (2009). Methods of Critical Discourse Analysis. London: SAGE Publications Ltd, 200 p. ISBN 184787455X, 9781847874559.